

Дымант Юлия Александровна

О ВТОРИЧНОСТИ ТЕКСТА АВТОПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ТЕКСТАХ АВТОПЕРЕВОДОВ В. В. НАБОКОВА)

В статье рассматривается проблема вторичности текста автоперевода. На примере реализации конативной функции в тексте автопереводов В. В. Набокова показано, что, несмотря на модификации как в плане содержания, так и в плане языкового оформления, автоперевод является вторичным текстом, поскольку в нём сохраняется коммуникативное воздействие оригинала (т.е. конативная функция), а вносимые автором изменения обусловлены сменой таких компонентов коммуникативной ситуации, как адресат и код.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 119-124. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. О чем говорят и как говорят мужчины и женщины // Русская речь. 1989. № 1. С. 23-31.
6. Кухни, выбираем и хвастаемся [Электронный ресурс] // Форум для женщин и женские форумы. URL: <http://woman.obovsem.com/index.php?s=&act=ST&f=13&t=12783> (дата обращения: 01.11.2016).
7. Митягина В. А. Интернет-комментарий как коммуникативное действие // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел: ОГИИК; Горизонт, 2012. Вып. 10. С. 188-197.
8. Мошенничество, обман, потери, кражи [Электронный ресурс] // Форум для женщин и женские форумы. URL: <http://woman.obovsem.com/index.php?s=&act=ST&f=63&t=15032> (дата обращения: 01.11.2016).
9. Новости без политики, со всего мира [Электронный ресурс] // Форум для женщин и женские форумы. URL: <http://woman.obovsem.com/index.php?s=&act=ST&f=63&t=12944> (дата обращения: 01.11.2016).
10. Общественный транспорт, метро, маршрутки, автобусы, трамваи... [Электронный ресурс] // Форум для женщин и женские форумы. URL: <http://woman.obovsem.com/index.php?s=&act=ST&f=63&t=16151> (дата обращения: 01.11.2016).
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд-е, доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
12. Lakoff R. Language and Women's Place // Language in Society. 1973. № 2. P. 45-79.

**THE GENDER SPECIFICITY OF EXPRESSING EVALUATION IN WOMEN'S SPEECH
BY THE MATERIAL OF THE INTERNET COMMENTS OF THE FORUM FOR WOMEN "ABOUT EVERYTHING"**

Dinh Viet Cuong

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
vietcuong162@gmail.com*

The article is devoted to the problem of expressing evaluation in women's speech considering gender specificity. By the material of the Internet comments of the Forum for women "About everything" the ways of evaluation representation are discussed. As a result of analysis, the author determines language means defining gender features of explication of evaluation in women's speech. It is established that women use exclamation sentences, rhetorical questions, diminutive words, phraseological units and metaphors.

Key words and phrases: evaluation; gender; women's speech; Internet comment; gender specificity of expressing evaluation.

УДК 81.1

В статье рассматривается проблема вторичности текста автоперевода. На примере реализации конативной функции в тексте автопереводов В. В. Набокова показано, что, несмотря на модификации как в плане содержания, так и в плане языкового оформления, автоперевод является вторичным текстом, поскольку в нём сохраняется коммуникативное воздействие оригинала (т.е. конативная функция), а вносимые автором изменения обусловлены сменой таких компонентов коммуникативной ситуации, как адресат и код.

Ключевые слова и фразы: перевод; первичные и вторичные тексты; автоперевод; функции языка; конативная функция; модель Р. О. Якобсона; В. В. Набоков.

Дымант Юлия Александровна

*Воронежский государственный университет
yu.dymant@gmail.com*

**О ВТОРИЧНОСТИ ТЕКСТА АВТОПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНАТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ТЕКСТАХ АВТОПЕРЕВОДОВ В. В. НАБОКОВА)**

Перевод традиционно считается вторичным текстом ввиду того, что он создаётся на основе оригинала, после него, и его существование и функционирование неразрывно связано с существованием и функционированием исходного текста [8; 9]. При этом отличительная особенность перевода как вторичного текста состоит в его общественном предназначении, так как процесс перевода представляет собой коммуникативно-эквивалентное языковое посредничество, цель которого – дать адресату полное представление о коммуникативной ценности исходного текста [10]. Задача переводчика, таким образом, состоит в том, чтобы передать средствами другого языка не только содержание оригинала, но и его структурные, стилистические и экспрессивные особенности. Иными словами, вторичный текст (перевод) должен полностью соответствовать первичному (оригиналу). Тем не менее в связи с активным развитием в гуманитарных науках антропоцентрического направления в литературе начинает звучать мысль о том, что перевод сочетает в себе черты как вторичного, так и первичного текста, причём их чёткое разграничение порой оказывается весьма затруднительным. Как показывает проанализированный нами материал, несмотря на существующие в теории требования и нормы, в тексте перевода зачастую всё же наблюдаются элементы первичного характера [8; 12], что особенно ярко проявляется в автопереводе [2; 8]. И в таком случае вопрос о вторичности автоперевода требует проведения дополнительных исследований.

В рамках нашего исследования теоретической основой выбора лингвистического критерия для квалификации текстовых элементов как первичных или вторичных послужила мысль о том, что, как уже отмечалось выше, одна из основных задач перевода состоит в сохранении коммуникативной функции оригинала [3; 4; 14]. Соответственно, в качестве такого критерия мы сочли возможным использовать функции языка, реализующиеся в тексте за счёт равноуровневых языковых средств. В частности, мы обратились к функциональной модели Р. О. Якобсона, в соответствии с которой языковые средства, задействованные в тексте, выполняют определённые функции (референтивную, конативную, эмотивную, фатическую, поэтическую и метаязыковую) и связаны, в свою очередь, с такими компонентами коммуникативного акта, как контекст, адресат, адресант, контакт, сообщение и код, что позволяет установить зависимость между текстовыми модификациями и изменениями параметров коммуникативной ситуации [11]. Таким образом, появление в тексте автоперевода функций, отсутствующих в тексте оригинала, мы расцениваем как признак первичности, и наоборот – сохранение иерархии функций исходного текста будет свидетельствовать о вторичности автоперевода.

Материалом исследования послужили три версии автобиографии русско-американского писателя В. В. Набокова, чей уникальный переводческий опыт представляет несомненный исследовательский интерес. Когда речь идёт о художественных текстах, необходимо учитывать тот факт, что в большинстве случаев автор исходного текста ориентируется на определённого читателя, представителя одной с ним культуры. При этом огромное влияние на оригинал оказывает внеязыковая действительность, общая в данном случае для отправителя и получателя. Смена кода и адресата при переводе в этом случае неизбежно связана с появлением в тексте некоторых изменений, предназначенных для адаптации текста к иной культурной среде. Цель этих изменений – сохранить коммуникативную функцию оригинала, то есть воздействие, которое он оказывает на читателей (в соответствии с терминологией Р. О. Якобсона – конативную функцию). Характер же этих изменений будет зависеть уже от переводчика как языковой личности и представителя другой лингвокультуры, от его умения увидеть, как именно реализуется конативная функция в тексте оригинала, и передать её в тексте перевода. Ниже мы рассмотрим связанные со сменой кода и адресата модификации в тексте автопереводов, которые способствуют реализации конативной функции и, таким образом, указывают на вторичность таких текстов.

Ситуация автоперевода исключает проблему барьера понимания между автором и переводчиком, а также фактор субъективного воздействия на текст третьего лица. С другой стороны, у автора, самостоятельно выполняющего перевод, свободы гораздо больше, чем у «обычного» переводчика, и, как показывает практика, он может вносить в текст существенные изменения. К выводу о невозможности создания «такого же» текста на другом языке и для другого адресата приходили многие писатели, занимавшиеся автопереводом своих произведений [5; 7]. В этой связи нам представляется особенно интересным рассмотреть характер изменений в тексте автоперевода, обусловленных необходимостью воздействия на разную аудиторию, т.е. сравнить, каким образом и за счёт каких средств реализуется в текстах оригинала и автоперевода конативная функция.

Мы проанализировали изначальную англоязычную версию автобиографии В. В. Набокова «Conclusive Evidence» [7], рассчитанную, соответственно, на англоязычную аудиторию, её автоперевод на русский язык, получивший название «Другие берега» [Там же] и предназначенный для соотечественников автора, а также синтезированную английскую версию «Speak, Memoir» [13], основой для которой послужили две предыдущие. Анализ материала показал, что каждая последующая версия подвергалась существенным модификациям, вызванным изменениями в таких параметрах коммуникативной ситуации, как адресант, адресат и код. Модификации, связанные с фактором адресанта, рассмотренные нами в других работах [1; 2], приводят к изменению иерархии языковых функций в тексте автоперевода и, следовательно, могут быть квалифицированы как проявление первичности. Модификации же, вызванные сменой кода и адресата, обусловлены необходимостью адаптировать текст к новым коммуникативным условиям и объясняются ситуацией перевода: автор преследует те же цели и хочет сказать то же самое, но на другом языке и другой аудитории. Сохранение конативной функции, несмотря на вносимые автором изменения, в данном случае расценивается нами как подтверждение вторичной природы автоперевода.

Модификация текста при смене адресата и кода в произведениях В. В. Набокова связана как с необходимостью вносить пояснения, предназначенные для того, чтобы восполнить недостаток фоновых знаний у адресата, так и с возможностью опустить избыточную информацию. В некоторых случаях различия в фоновых знаниях англоязычного и русскоязычного адресата требуют замены референтного пространства, что становится возможным только в ситуации автоперевода, так как автор, в отличие от переводчика, волен поступать со своим текстом, как сочтёт нужным. При этом соотношение функций в тех фрагментах текста, которые очерчивают модифицированное референтное пространство, может как сохраняться, так и меняться. Далее мы рассмотрим те случаи, когда, несмотря на изменения в тексте, сохраняется конативная функция. Такого рода модификации в текстах В. В. Набокова можно условно разделить на две группы: модификации на уровне культурно-исторического контекста, которые заключаются в замене прецедентных феноменов, реалий и т.д., и модификации на уровне языковых средств, проявляющиеся в референциальном выборе автора и обусловленные узусом языка перевода.

О преобразовании культурно-исторической составляющей можно говорить в тех случаях, когда стремление оказать на адресата то же воздействие приводит к тому, что в тексте перевода конкретные прецедентные феномены заменяются обобщениями с пояснением, например:

There were tales about knights whose terrific but wonderfully aseptic wounds were bathed by damsels in grottoes. From a windswept cliff top, a medieval maiden with flying hair and a youth in tights gazed at the round Isles of the Blessed. In "Misunderstood", the fate of Humphrey used to bring a more specialized lump to one's throat than the one Hollywood now commercializes, while a shamelessly allegorical story, "Beyond the Blue Mountains", dealing with two pairs of little travelers – good Clover and Cowslip, bad Buttercup and Daisy – contained enough exciting details to make one forget its message [7, c. 102].

Были книги о рыцарях, чьи ужасные, – но удивительно свободные от инфекции – раны омывались молодыми дамами в гротах. Со скалы, на средневековом ветру, юноша в трико и волнисто-волосатая дева смотрели вдаль на круглые Острова Блаженства. Была одна пугавшая меня картинка с каким-то зеркалом, от которой я всегда так быстро отворачивался, что теперь не помню ее толком! Были нарочито трогательные, возвышенно аллегорические повести, скроенные малоизвестными англичанками для своих племянников и племянниц [7, с. 103].

There were tales about knights whose terrific but wonderfully aseptic wounds were bathed by damsels in grottoes. From a windswept cliff top, a medieval maiden with flying hair and a youth in hose gazed at the round Isles of the Blessed. In "Misunderstood," the fate of Humphrey used to bring a more specialized lump to one's throat than anything in Dickens or Daudet (great devisers of lumps), while a shamelessly allegorical story, "Beyond the Blue Mountains", dealing with two pairs of little travelers – good Clover and Cowslip, bad Buttercup and Daisy – contained enough exciting details to make one forget its "message" [13, p. 37].

В английских версиях В. В. Набоков указывает конкретные названия книг ("*Misunderstood*", "*Beyond the Blue Mountains*"), тем самым апеллируя к опыту англоязычных читателей, которым эти книги могут быть знакомы, и, следовательно, их упоминание должно вызвать определённые ассоциации с сюжетом и характером этих историй. Т.е. в данном случае в английских текстах преобладает конативная функция.

При переводе на русский язык автор, по-видимому, сталкивается с рядом проблем. Во-первых, он понимает, что в силу классовых и культурных различий далеко не все семьи в начале XX века воспитывали своих детей в английских традициях и на английской литературе, и, следовательно, лишь немногие из предполагаемых читателей в России могли бы по названию понять, о какого рода книгах идёт речь. Во-вторых, писатель тем более не мог рассчитывать на понимание аудитории, живущей, по сути, уже в другой стране (СССР), аудитории, в практическом опыте которой данных культурных реалий уже не существовало. В связи с этим, стремясь создать у читателей соответствующий образ, В. В. Набоков опускает ничего не значащие для русскоязычного адресата названия и заменяет их более понятным обобщением с указанием на то, что книги были написаны «*малоизвестными англичанками для своих племянников и племянниц*». Кроме того, в русскоязычном тексте опущено сравнение упомянутых книг с голливудскими фильмами, нацеленными на то, чтобы вызвать у зрителей соответствующие эмоции. Такое сравнение вводится автором для создания более полного и в какой-то мере зрительного образа у читателей (т.е. таким образом реализуется конативная и фатическая функции). Так как советские читатели 50-60-х гг. ещё не были близко знакомы с продукцией Голливуда, такое сравнение в русском тексте не только не способствовало бы воздействию на читателей (т.е. утрачивалась бы конативная функция), но и потребовало бы дополнительных разъяснений. Вероятно, по этой причине Набоков прибегает к общим описаниям.

Таким образом, конативная функция в русском тексте сохраняется, но реализуется за счёт других языковых средств – эксплицитной характеристики содержания книг, эпитетов (*нарочито трогательные, возвышенно аллегорические*). Сохраняется в тексте автоперевода и авторская модальность: ироничный тон во всех трёх текстах по отношению к литературе этого рода. Соответственно, воздействие, оказываемое автопереводом, равноценно воздействию текста оригинала, чем и подтверждается вторичность текста автоперевода.

Интересно также отметить, что в более поздней английской версии сравнение с голливудским кино В. В. Набоков заменяет на сравнение с творчеством английского писателя Чарльза Диккенса и французского романиста Альфонса Доде. В данном случае сказывается ещё один фактор – время и место коммуникации. По всей видимости, при создании первой версии ссылка на голливудские фильмы была актуальна, о чём свидетельствует и сам текст (*the one Hollywood now commercializes*). 16 лет спустя Набоков счёл более уместным сравнение с классиками, не утрачивающее с течением времени свой смысл. Таким образом, в приведённом примере в качестве одной из ведущих выступает конативная функция, причём её реализация во всех трёх версиях требует модификации текста, что вызвано сменой адресата и временной дистанцией.

В некоторых случаях для того, чтобы полнее передать собственное восприятие и, следовательно, оказать воздействие на адресата, автор прибегает к использованию в тексте автоперевода цитат и аллюзий, упоминания русских писателей или их произведения, малоизвестные за пределами России. Так, в приведённом ниже примере в «*Conclusive Evidence*» и в «*Speak, Memory*», говоря о собственных ассоциациях с отчеством человека и стремясь объяснить их читателям, Набоков использует обобщение *merchant-class or clerical connotations*. В тексте же автоперевода для достижения того же эффекта писатель вводит аллюзию на пьесы А. Н. Островского.

I visualized her home but vaguely. Her mother's first name and patronymic (which were all I knew of the woman) had merchant-class or clerical connotations. Her father, who, I gathered, took hardly any interest in his family, was the steward of a large estate somewhere in the south [7, c. 322].

Я очень смутно представлял себе ее семью: отец служил в другой губернии, у матери было отчество как в пьесе Островского [7, с. 323].

I visualized her home but vaguely. Her mother's first name and patronymic (which were all I knew of the woman) had merchant-class or clerical connotations. Her father, who, I gathered, took hardly any interest in his family, was the steward of a large estate somewhere in the south [13, p. 104].

Таким образом, характер реализации конативной функции в тексте автоперевода обусловлен в данном случае сменой адресата.

Следующий пример интересен тем, что автор прибегает к разным аллюзиям в зависимости от того, для какой аудитории предназначается книга.

When Lenski, in the spring of 1914, left us for good, we had a young man from the Volga region, of gentle birth and exquisite manners, the son of a ruined landowner – and the less said about this last tutor the better. Fortunately, at that late date, he could not exercise much ascendancy over me, and anyway was glad to leave me to my own devices, but I still marvel how he could wear such a bland mask and treat a young boy to so evil a bunch of rumors and foul stories about people the boy liked [7, c. 246].

Весной 1914-го года, когда Ленский нас окончательно покинул, к нам поступил тот Волгин, которого я уже упоминал, сын обедневшего симбирского помещика, молодой человек обворожительной наружности, с задушевными интонациями и прекрасными манерами, но с душой пошляка и мерзавца. К этому времени я уже не нуждался в каком-либо надзоре, учебной же помощи он не мог мне оказать никакой, ибо был безнадежный неуч (проиграл мне, помню, великодушный кастет, побившись со мной об заклад, что письмо Татьяны начинается так: «Увидя почерк мой, вы верно удивитесь») [7, с. 247]...

When Lenski, in the spring of 1914, left us for good, we had a young man from a Volgan province. He was a charming fellow of gentle birth, a fair tennis player, an excellent horseman; on such accomplishments he was greatly relieved to rely, since, at that late date, neither my brother nor I needed much the educational help that an optimistic patron of his had promised my parents the wretch could give us. In the course of our very first colloquy he casually informed me that Dickens had written Uncle Tom's Cabin, which led to a pounce bet on my part, winning me his knuckle-duster. After that he was careful not to refer to any literary character or subject in my presence [13, p. 78].

Во-первых, в тексте автоперевода происходит расширение контекста, что обусловлено фактором адресанта и временной дистанцией. В данном случае модификация контекста связана с реализацией во вторичном тексте конативной функции: чтобы проиллюстрировать, насколько невежественен был его новый воспитатель, Набоков приводит в пример тот факт, что этот человек не знал, как начинается письмо Татьяны к Онегину в романе А. С. Пушкина. В последующей английской версии «Speak, Memoгу» данный фрагмент сохраняется, однако писатель использует другой пример, другие реалии: Чарльз Диккенс и «Хижина дяди Тома». Таким образом, с одной стороны, в тексте появляются первичные элементы, идущие от адресанта, но при этом за счёт использования различных элементов культурно-исторического контекста сохраняется иерархия языковых функций оригинала (в роли которого в данном случае выступает русскоязычная версия).

Смена кода, безусловно, влечёт за собой текстовые модификации в связи с особенностями языковых систем. Функции языка реализуются за счёт различных элементов, и, следовательно, их сохранение при переводе предусматривает определённые текстовые трансформации. В некоторых случаях смена кода сказывается на референциальном выборе адресанта, который проявляется, например, в различных способах передачи имён. Так, если в английских версиях В. В. Набоков называет героев книги по фамилиям (в частности, гувернанток и воспитателей), то в русской, где это возможно, по имени и отчеству. Например, одна из гувернанток в английских текстах упоминается под именем *Miss Clayton*, в то время как в русском тексте писатель называет её *Викторией Артуровной*. Упомянув своего дядю, В. В. Набоков в «Conclusive Evidence» и «Speak, Memoгу» называет его так же, как и его друзья – французы и итальянцы, а также родные, говорившие с ним по-французски, – *Ruka*, сокращенно от *Рукавишников*, в то время как в русской версии автор использует опять же полное имя – *Василий Иванович*. В данном случае решающим фактором оказывается ориентация на адресата, культурные и языковые нормы.

Аналогичная ситуация наблюдается и в следующем примере.

What a number of volumes she read through to us on that veranda! Her slender voice sped on and on, never weakening, without the slightest hitch or hesitation, an admirable reading machine wholly independent of her sick bronchial tubes. We got it all: Les Malheurs de Sophie, Le Tour du Monde en Quatre Vingt Jours, Le Petit Chose, Les Miserables, Le Comte de Monte Cristo, many others [7, c. 142].

Какое неимоверное количество томов и томиков она перечла нам на этой веранде, у этого круглого стола, покрытого клеенкой! Ее изящный голос тек да тек, никогда не ослабевая, без единой заминки; это была изумительная чтеческая машина, никак не зависящая от ее больных бронхов. Так мы прослушали и мадам де Сегюр, и Додэ, и длиннейшие, в распадающихся бумажных переплетах, романы Дюма, и Жюль Верна в роскошной брошюровке, и Виктор Гюго, и еще много всякой всячины [7, с. 143].

What a number of volumes she read through to us on that veranda! Her slender voice sped on and on, never weakening, without the slightest hitch or hesitation, an admirable reading machine wholly independent of her sick bronchial tubes. We got it all: Les Malheurs de Sophie, Le Tour du Monde en Quatre Vingt Jours, Le Petit Chose, Les Miserables, Le Comte de Monte Cristo, many others [13, p. 47].

Приведённые фрагменты демонстрируют, что в английских версиях В. В. Набоков, говоря о книгах, которые им с братом читала гувернантка, указывает только их оригинальные названия (*Les Malheurs de Sophie, Le Tour du Monde en Quatre Vingt Jours, Le Petit Chose, Les Miserables, Le Comte de Monte Cristo*), в то время как в русском тексте, наоборот, перечислены только имена писателей (Софья Сегюр, Жюль Верн, Альфонс Додэ, Александр Дюма, Виктор Гюго). В данном случае преобладающие в оригинале референтивная и конативная функции сохраняются в тексте автоперевода, хотя и реализуются с помощью иных средств, что обусловлено культурными особенностями и сменой кода: в России принято сначала говорить о том, читал ли человек какого-либо

автора, и только после – о конкретных произведениях. Таким образом, в подобных случаях сказываются конвенциональные различия: в разных языках существуют разные способы описания одной и той же ситуации.

Модификация текста, связанная с особенностями русского языка, проявляется также и на уровне синтаксиса. Так, в следующем фрагменте размерность действий персонажа показана в русской версии за счёт разбиения на отдельные предложения и использования глаголов настоящего времени (*ставит, вынимает, отирает, перекладывает, берёт, выхлестывает*). Причём каждое предложение начинается с новой строки.

Immediately after the collision, Maurice performed several actions in the following order: he deposited his glass upon the counter, drew a silk handkerchief from his pocket, wiped from his embroidered shirt-bosom "the defilement of the whiskey", transferred the handkerchief from his right hand to his left, took the half-empty glass from the counter, swilled its remaining contents into Calhoun's face, quietly redeposited the glass upon the counter. This sequence I still know by heart, so often did my cousin and I enact it [7, с. 284].

Немедленно после толчка Морис совершает ряд действий в следующем порядке:

Ставит свой стакан с виски на стойку.

Вынимает шелковый платок (*актер не должен спешить*).

Оттирает им с вышитой груди рубашки осквернившее ее виски.

Перекладывает платок из правой руки в левую.

Опять берет стакан со стойки.

Выхлестывает остаток виски в лицо Калхуну.

Спокойно ставит опять стакан на стойку.

Эту художественную серию действий я недаром помню так точно: много раз мы разыгрывали ее с двоюродным братом [7, с. 285].

Immediately after the collision, Maurice performed several actions in the following order: he deposited his glass upon the counter, drew a silk handkerchief from his pocket, wiped from his embroidered shirt-bosom "the defilement of the whiskey", transferred the handkerchief from his right hand to his left, took the half-empty glass from the counter, swilled its remaining contents into Calhoun's face, quietly redeposited the glass upon the counter. This sequence I still know by heart, so often did my cousin and I enact it [13, p. 91].

Следует отметить, что в английских текстах автор прибегает к цитированию книги «The Headless Horseman», из которой взята описываемая им сцена. Таким образом, здесь реализуется конативная функция. В русском тексте эта цитата отсутствует, однако конативная функция сохраняется за счёт авторского комментария относительно действий персонажа: вспоминая о том, как они с двоюродным братом разыгрывали сцены из книги, В. В. Набоков добавляет в текст автоперевода ремарку, пояснение, как должен вести себя актёр (*актер не должен спешить*), тем самым эксплицируя ритм повествования.

Таким образом, проведённый нами анализ показывает, что, несмотря на модификации текста как в плане содержания, так и в плане языкового оформления, преобладающая в тексте оригинала конативная функция сохраняется и в тексте автоперевода, хотя и реализуется за счёт иных языковых средств и элементов культурно-исторического контекста. Так, в связи с различием в фоновых знаниях адресатов, В. В. Набоков счёл необходимым исключить избыточную и добавить новую информацию, недостающую и значимую для изменившейся аудитории. С этой целью он прибегает к обобщениям, пояснениям, замене реалий и прецедентных феноменов (например, литературных персонажей), использованию релевантных для адресата цитат и аллюзий. Смена кода и необходимость соблюдать конвенциональные нормы языка перевода, в свою очередь, сказываются на референциальном выборе автора. Появление первичных элементов в данном случае обусловлено необходимостью оказать такое же воздействие на инокультурного адресата, а также абсолютной свободой автора-переводчика. В то же время сохранение конативной функции свидетельствует о вторичности текста автоперевода, так как автор преследовал единую цель и стремился оказать аналогичное художественно-эстетическое и эмоциональное воздействие на читателей.

Список литературы

1. Дымант Ю. А. Влияние фактора личности переводчика на степень вторичности текста перевода // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. М.: ТЕЗАУРУС, 2015. С. 326-330.
2. Дымант Ю. А. Проблема соотношения первичного и вторичного текста в автопереводе // Вестник Московского университета. Серия «Теория перевода». М.: Издательство Московского университета, 2015. № 2. С. 65-76.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
4. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: НВИ-Тезаурус, 2000. 280 с.
5. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
6. Мирам Г. Э. Переводные картинки; Профессия: переводчик. Київ: Эльга; Ника-Центр, 2001. 333 с.
7. Набоков В. В. Другие берега: мемуары – Nabokov V. Conclusive Evidence / двуязычное издание. М.: Захаров, 2004. 448 с.
8. Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: дисс. ... д. филол. н. Пермь, 2005. 368 с.
9. Полубиченко Л. В. Филологическая типология: теория и практика: дисс. ... д. филол. н. М., 1991. 729 с.
10. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
11. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
12. Bassnett S. Translation Studies (New Accents). 3 edition. N. Y.: Routledge, 2002. 188 p.
13. Nabokov V. Speak, Memory: an Autobiography Revisited. N. Y.: Random House, Inc., 1989. 142 p.
14. Newmark P. A Textbook of Translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 1988. 311 p.

ON THE SECONDARINESS OF THE TEXT OF AUTHOR'S TRANSLATION
(BY THE EXAMPLE OF THE CONATIVE FUNCTION REALIZATION
IN V. V. NABOKOV'S AUTHOR'S TRANSLATIONS)

Dymant Yuliya Aleksandrovna
Voronezh State University
yu.dymant@gmail.com

The article considers the problem of the secondariness of the author's translations texts. By the example of the conative function realization in the texts of Nabokov's author's translations it is shown that, despite the modifications both in terms of content and language arrangement, the author's translation is a secondary text, because it preserves the communicative impact of the original (conative function), and changes introduced by the author are caused by the change of such components of the communicative situation as a code and an addressee.

Key words and phrases: translation; primary and secondary texts; author's translation; language functions; conative function; R. Jakobson's model; V. V. Nabokov.

УДК 81-119

В статье в свете теории дискурса проводится сравнительный анализ медитативного, магического, психотерапевтического и религиозного дискурсов с точки зрения их прагматики и функционала, субъектно-объектных и статусно-ролевых характеристик. Медитативный, магический, психотерапевтический и религиозный дискурсы рассматриваются как суггестивные типы коммуникации, реализующие протективную функцию нейтрализации бытовых фобий, а также влияния внешних негативных факторов на реципиента. Атрибутом всех рассматриваемых видов дискурса является суггестивный текст.

Ключевые слова и фразы: медитативный дискурс; магический дискурс; психотерапевтический дискурс; религиозный дискурс; суггестивный текст; продуцент; реципиент.

Ермолаева Елена Владимировна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
a-lenushka@indox.ru

**МЕДИТАТИВНЫЙ, МАГИЧЕСКИЙ, ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ
И РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИСКУРСЫ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Теория дискурса является достаточно разработанной дисциплиной в лингвистике, ей посвящены труды таких исследователей, как Н. Д. Арутюнова (1985, 1990, 1992); А. Г. Баранов (1986, 1996); Л. Витгенштейн (1994); Т. ван Дейк (1988, 1989); В. З. Демьянков (2005); Е. Ю. Ильинова (2008); В. И. Карасик (1998, 2002, 2002, 2008, 2009); В. Б. Кашкин (2000); А. Е. Кибрик (1987); Н. А. Красавский (2008); Е. С. Кубрякова (1997); М. Л. Макаров (2003); В. А. Митягина (2007); А. В. Олянич (2006, 2007); В. М. Савицкий (2006); К. Ф. Седов (2002, 2004, 2009); Г. Г. Слышкин (2000, 2003, 2004); Ю. С. Степанов (1995, 1997); М. Фуко (1977, 1996) и другие. Многомерность понятия дискурса позволяет рассматривать его с точки зрения прагмалингвистики (обращая фокус исследовательской активности на интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга); с точки зрения психолингвистики (актуализируясь на переключении от внутреннего кода к внешней вербализации); с точки зрения лингвостилистического анализа (рассматривая функциональные параметры общения на основе текстовых единиц); со структурно-лингвистической точки зрения (исследуя содержательную и формальную связность дискурса); лингвокультурология исследует специфику общения в рамках определенного этноса; с позиций когнитивно-семантического подхода рассматриваются фреймы, сценарии, ментальные схемы, когнитивные типы; социолингвистический подход предполагает анализ участников и обстоятельств общения в широком социокультурном контексте. Эти подходы могут комбинироваться [1].

В настоящей работе предлагается рассмотреть медитативный, магический, психотерапевтический, религиозный виды дискурсов в сопоставительном освещении. При анализе мы будем опираться на систему компонентов, выделенных в структуре дискурса В. И. Карасиком [Там же]. Этими критериями являются: цели, участники, хронотоп, ценности, стратегии, дискурсивные формулы, прецедентные тексты. Прагматические установки и стратегии медитативного дискурса сближают его с аналогичными параметрами психотерапевтического, магического и религиозного дискурсов. Медитативный, магический, психотерапевтический и религиозный дискурсы, являясь суггестивными типами коммуникации, функционируют в рамках статусно-ролевого общения, реализуют протективную функцию нейтрализации бытовых фобий (боязнь болезни, неудач, мистического негативного влияния внешних факторов на судьбу человека и т.д.), однако функционал медитативного, магического и религиозного дискурсов, в отличие от психотерапевтического, маркирован связью реципиента с духовным миром. Если каноны магического дискурса предполагают, что посредником этой связи выступают языковые личности, действующие как активные субъекты дискурса (*ведуны, маги, шаманы, знахари*), способные устанавливать связь реципиента с духовным миром даже в отсутствие или при минимальном участии реципиента, то в медитативном дискурсе продуцент выступает как проводник реципиента в духовный мир, вследствие этого